

Все права защищены и распространяются на все носители информации. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме, любыми средствами, электронными или механическими (включая, но не ограничиваясь: интернет, фотокопирование, запись на пленку или любую другую систему хранения и поиска информации) без предварительного письменного разрешения издателей.

Настоящая книга является художественным произведением. Имена, персонажи, предприятия, организации, места и события, не являющиеся всеобщим достоянием, являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, является совершенно случайным.

Автор категорически запрещает любому юридическому лицу использовать настоящую публикацию в целях обучения технологий искусственного интеллекта (ИИ) для создания текста, включая, помимо прочего, технологии, которые способны создавать произведения в том же стиле или жанре, что и данная публикация. Автор оставляет за собой все права на лицензионное использование этой работы для обучения генеративному ИИ и разработки языковых моделей машинного обучения.

Тебе, Миа

Передо мною тьма ночная,
Здесь диких бурь сошлись пути.
Но злым недугом пленена я —
И у меня нет сил уйти.

Эмили Бронте,
«Передо мною тьма ночная...»*

* Перевод Людмилы Володарской.

ПРОЛОГ

Вторник, 8 июля 2014 года

— Почему медлим? Прием. — Старший детектив-инспектор Эрика Фостер вела переговоры по рации, прикрепленной к отвороту бронезиления.

— Мы потеряли связь с камерой, — затрещал голос из командного центра наблюдения.

— С которой из них?

Последовала напряженная пауза. В кузове фургона, где теснилась группа вооруженного реагирования полиции Большого Манчестера, возглавляемая Эрикой, было невыносимо жарко. Защитная экипировка прилипла к коже, воздух сгустился от испарений потных тел пятерых мужчин. Детектив Крис Портер, офицер службы наружного наблюдения, склонился над ноутбуком возле перегородки, отделявшей кузов от водительской кабины. Четыре окна на экране открывали изображения с камер видеонаблюдения вокруг их цели, дома номер 17 по Чапел-стрит.

— Тридцать минут назад камера на заднем дворе ненадолго отключилась, — объяснил Крис. Он носил бейсболку с логотипом «Звездных войн» козырьком назад, и Эрика разглядела капли пота у него на шее.

Она изучила видеозаписи. Скрытая камера, установленная на фонарном столбе через дорогу, смотрела на дом номер 17, возле которого был припаркован их фургон с фальшивой рекламной надписью на боку: «Сантехника и отопление Пола Берри». Две камеры давали боковой обзор дома слева и справа. Позади дома стояло большое заброшенное здание бывшей типографии, оно выходило на дорогу, что спускалась к ка-

налу. Камера на фонарном столбе у ворот запустелой погрузочной площадки типографии показывала задний фасад дома. За несколько недель наблюдения объект под номером 17 глубоко врезался в память Эрики: голый бетонный палисадник, переполненные мусорные баки на колесах, на стене у двери газовый и электрический счетчики с сорванной крышкой. Сад за домом зарос сорняками, а к задней стене примыкал каркас небольшой навесной теплицы.

— Сейчас не то время, когда я хочу быть слепой. Прием.

Эрика уловила напряженность в собственном голосе. В командном центре наблюдения царил тишина.

— Мы следили за каналом все время, пока камера была выключена? Прием?

— Так точно. Прием.

Муж Эрики, детектив-инспектор Марк Фостер, сидел рядом с ней на жесткой скамейке, обливаясь потом в защитном костюме. Он приставил к ноге свою штурмовую винтовку, но стоило ему пошевелиться, как та соскользнула и с грохотом упала на пол.

— Ради всего святого, Марк, — огрызнулась Эрика. — Это не зонтик.

— Я знаю, босс, — дружелюбно ответил он, поднимая винтовку. — От дождя она не защитит.

— Не начинай.

— Что не начинать?

— Провоцировать меня.

— Ты мой начальник. Или предпочитаешь, чтобы я сказал: *«Да, дорогая, ненаглядная жenuшка»?*

— Я бы предпочел, чтобы ты не отпускал глупых шуток... — усмехнулся детектив-инспектор Том Брэдли, или Брэд, плотный офицер с массивными руками, выпирающими из-под защитного костюма.

Он сидел напротив, рядом с детективом-инспектором Джимом Блэком, чье лицо расплылось в широкой ухмылке. Джиму дали прозвище Лучик именно из-за его лучезарной улыбки.

— Мне нужно, чтобы все сосредоточились, — строго произнесла Эрика.

На экране одна из камер показала, как открылась входная дверь дома номер 17 и оттуда вышла молодая китайка с маленьким ребенком. У женщины были сильно обесцвеченные волосы с оранжевым оттенком.

— Как по расписанию, — заметил Крис, поворачивая голову к Эрике.

Джинджер, так звали женщину, отводила девочку в детский сад каждый день ровно в час пополудни.

— Ребенка в доме нет. Это хорошо, — сказал детектив-инспектор Салман Дхумал.

Сэл сидел рядом с Марком, и Эрика различила нотки беспокойства в его голосе. Если бы ребенок не вышел из дома, им пришлось бы прервать рейд. Детектив-инспектор Тим Джеймс, или Ти Джей, как его называли, сидел рядом с Сэлом с краю, сжимая в руках штурмовую винтовку, и выглядел испуганным.

Прозвище «Спайс Герлз», которое они дали пяти китайкам, задействованным в наркотрафике с перевалочным пунктом в доме номер 17 по Чапел-стрит, хотя и не слишком политкорректное, прижилось. Целями нынешней операции были Джером Гудман, наркоторговец, за которым вели наблюдение последние два года, и двое его сообщников, Даниелла Ланг и Фрэнк Хоббс. Эта тройка участвовала в кровавом убийстве крупного наркодилера в пабе Мосс-Сайда*. В образовавшемся вакууме власти Джером и его подельники взяли под контроль поставки тяжелых нар-

* Городской район Манчестера, расположенный примерно в 3 км к югу от центра города, с населением более 20 тыс. человек.

котиков на севере Англии. И этот чертовски жаркий день на захудалой улице в Рочдейле стал кульминацией десяти недель интенсивного наблюдения — команда Эрики планировала взять штурмом большой дом ленточной застройки на Чапел-стрит, один из оплотов банды, и арестовать преступников.

На экране они наблюдали, как женщина идет по дорожке к деревянной калитке. В одной руке она несла сумку для прачечной, а другой держала за руку маленькую девочку.

— Если была потеряна связь с четвертой камерой на двадцать минут, как мы можем быть уверены, что в доме нет других детей? Прием, — уточнила Эрика.

Крис открыл отдельный экран с моментальными снимками пятерых женщин, запечатленных при входе в дом и выходе в ежедневном режиме. Одетые в спортивные костюмы и объемные пальто, все они держали в руках клетчатые сумки для прачечной, которые использовали для доставки наркотиков.

На линии связи с командным центром наблюдения возникла долгая пауза. Наконец голос произнес:

— Наши офицеры дежурят на канале и у дороги за типографией. Прием.

— Почему потеряли связь? Прием, — повторила Эрика.

— Сбой в подаче электроэнергии. Прием.

Скрытые камеры спереди и сзади потребляли электричество от муниципальных уличных фонарей, что позволяло им работать круглосуточно и передавать видеосигнал по сотовым сетям.

— Женщина и ребенок приближаются к концу Чапел-стрит. Прием.

Полицейские в форме выставили в конце улицы скрытое оцепление и собирались взять их обеих под охрану.

— Хотите поделиться с нами еще какой-нибудь информацией? Прием? — многозначительно спросила Эрика.

— Нет. Прием.

— Не напугайте Джинджер. Или ребенка. Нам не нужно, чтобы она побежала обратно в дом и подняла тревогу. Прием, — отчеканила Эрика.

Ее спина и задница взмокли от пота, и она чувствовала его соленый вкус на губах. Такие операции никогда не давались легко. Страх присутствовал всегда. Она почувствовала, как Марк схватил ее за руку и крепко сжал. Время, казалось, повисло в воздухе.

— Все хорошо, — тихо сказал он.

— Все будет хорошо, когда мы узнаем, что внутри. Я не люблю неприятных сюрпризов в последний момент.

Марк посмотрел на Эрику и улыбнулся.

— У нас все готово. Не успеешь оглянуться, как наступит ужин с рыбой и жареной картошкой.

Она сжала его руку и отпустила.

Рация снова ожила трескучим голосом:

— Женщина и ребенок покинули Чапел-стрит. Теперь вам разрешено действовать. Я повторяю: разрешено действовать. Прием.

Эрика ощутила ледяной холод внутри. Запахи металла и пота, казалось, усилились. Брэд и Сэл, сидевшие по обе стороны от задних дверей фургона, подвинулись, готовые открыть их. Эрика оглядела свою команду и кивнула.

— Мы заходим. Прием.

От асфальта разило жаром, когда они, обливаясь потом, выпрыгнули из фургона, сжимая в руках винтовки. Ноги Эрики сводило судорогой, но она стиснула зубы и возглавила группу, когда они перешли через дорогу. Чапел-стрит будто вымерла. Женщина остави-

ла маленькую деревянную калитку открытой, и они двинулись по дорожке, бесшумно ступая в своих ботинках на резиновой подошве. Кругом стояла пугающая тишина. Ни щебета птиц, ни гула машин. Только еле слышное жужжание вращающегося диска на счетчике электроэнергии на стене у входной двери.

Брэд выдвинулся вперед с «Бертой» — металлическим штурмовым тараном. Сухожилия на его руках напряглись, когда он поднимал оружие. Краем глаза Эрика уловила солнечный блик, отразившийся от диска электросчетчика в момент вращения, и эта вспышка совпала с ударом тарана. С третьей попытки дерево раскололось, и дверь распахнулась внутрь.

В одном из домов чуть дальше по улице восьмилетняя Карли Торн, пропуская занятия в школе после операции по удалению аппендицита, смотрела в окно своей комнаты, когда задние двери фургона сантехника открылись, и группа полицейских в чем-то похожем на черную армейскую форму хлынула к дому. Она видела достаточно сериалов, чтобы догадаться, что это полицейский рейд. Входная дверь смялась, как бумага, под ударом тарана, но полиция так и не смогла проникнуть внутрь. Карли услышала треск, как будто кто-то запустил фейерверк, и, только когда одно из окон в доме номер 17 разлетелось осколками стекла, она поняла, что это был выстрел.

Один за другим, в быстрой последовательности, четверо полицейских повалились на землю. Карли хотелось закричать и постучать в окно или подсказать им, чтобы они сняли с плеч винтовки и открыли огонь, но она была слишком потрясена и напугана. Один из офицеров — в его фигуре и движениях угадывалась женщина — рухнул на колени лицом к дороге. Поли-

Преследуя тени

цейская схватилась рукой за шею, сквозь пальцы у нее сочилась кровь. Последний из тех, кто остался на ногах, бросился ей на помощь. Карли услышала пронзительный предупреждающий звук, прежде чем какая-то невидимая сила отбросила офицера назад, и его затылок взорвался кровавым фонтаном.

Все затихло, прежде чем Карли расслышала приближающийся вой сирен, и в следующее мгновение дорогу заполонили полицейские машины и кареты скорой помощи с мигающими огнями. Прибыло еще больше вооруженных полицейских, но на этот раз им удалось проникнуть в дом. Только через пять минут парамедики смогли оказать помощь раненым.

А затем произошло нечто совершенно захватывающее. Вертолет — самый настоящий вертолет — спустился с неба и приземлился на Чапел-стрит, маленькой, ничем не примечательной улице, где никогда ничего особенного не происходило. Он примял траву, разворошил мусор и заставил деревья гнуться к земле.

Только двоих полицейских в черной экипировке спешно увезли на носилках. Когда вертолет улетел, Карли смотрела, как парамедики укладывают оставшиеся четыре обмякших тела в мешки для трупов.

Никто не видел, как Карли наблюдала из окна ту бойню, и никто не беседовал с ней в ходе дальнейшего расследования.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Понедельник, 2 декабря 2024 года

Было восемь утра, и Эрика Фостер на своей машине пробиралась в час пик по запруженным улицам Нью-Кросса в Южном Лондоне. Как только она вышла из дома, прибыл курьер с официальным письмом из Столичной полиции*: на 20 декабря ей назначено обязательное прохождение медицинского обследования и проверки физической подготовки. Эта новость никого не радовала. В свои пятьдесят два года Эрика всерьез опасалась, что ее спишут по возрасту и состоянию здоровья. И как назло, она забронировала авиабилеты на 19 декабря, собираясь вместе со своим партнером Игорем навестить сестру в Словакии.

По радио Клифф Ричард как раз собирался сменить тональность в «Омеле и вине», и Эрика в сердцах выключила магнитолау и сунула письмо в отделение для перчаток. С этим еще предстояло разобраться, но прежде она хотела добраться до работы и выпить чашку очень крепкого кофе. А стоит ли? Она слишком

* Официальное название полиции Лондона, за исключением Сити, имеющего собственную полицию.

увлекалась кофе и фаст-фудом. К тому же курила, плохо спала и трепала нервы на работе. За свою карьеру ей довелось побывать в разных передрягах, и до сих пор на шее остался шрам от ранения, полученного во время налета на наркоторговцев, а шесть лет назад она сломала два ребра и обе ноги ниже колена в автомобильной аварии. Но куда тяжелее были психологические испытания. Гибель ее мужа Марка и четырех коллег в Манчестере все еще преследовала ее, но она избегала сеансов психотерапии, пытаясь — временами безуспешно — подавлять эмоции и с головой уходить в работу. Была велика вероятность, что по результатам медосмотра ее отправят на канцелярскую работу — или, что еще хуже, вынудят досрочно выйти на пенсию.

Вызов по полицейской рации вывел ее из задумчивости.

— Есть какие-то группы неподалеку от Амершем-роуд, SE-четырнадцать, Нью-Кросс? Код пять. Прием.

Эрика подняла глаза и увидела сразу за светофором указатель на Амершем-роуд на углу грязной кирпичной стены. «Код пять» означал «мертвое тело». И район был неблагополучный, с такими квартирами и ночлежками, где ноги вытирают при выходе. Это либо судьба, что Эрика оказалась поблизости, либо невезение. Она склонялась к последнему.

— Эрика Фостер на связи. — Она ужаснулась тому, как устало звучит ее голос. — Я рядом. Прием.

Тишина. Загорелся зеленый свет, но совсем ненадолго, так что лишь две машины успели проскочить перекресток, зато тротуары с обеих сторон заполнились людьми, и светофор снова переключился на красный. Пешеходы, опустив головы, спешили перейти дорогу. Отстающих не жаловали. Молчание в эфире затянулось. Может, кто-то опередил ее?

— Старший детектив-инспектор Фостер, слышу вас, — нараспев произнесла молодая женщина-диспетчер. — Дом номер четырнадцать Б по Амершем-роуд. Жилец, сообщивший о мертвом теле, Шерри Блейз... Шорох. Енот. Рысь...

Эрика включила сирену и синий проблесковый маячок и вырулила из очереди ожидающих машин. Пассажиры остановились на тротуаре, и поток автомобилей неохотно расступился.

Краснокирпичные дома ленточной застройки на Амершем-роуд, хотя и грязные, обветшалые, все еще оставались довольно внушительными четырехэтажными зданиями викторианской эпохи. Когда Эрика подъехала к дому 14А, она немало удивилась, увидев на тротуаре своего коллегу — детектива-инспектора Джеймса Питерсона.

— Что ты здесь делаешь? — прищурившись на него, спросила она, опуская стекло.

— И тебе доброе утро. Мой новый дом находится чуть дальше по дороге. Я был в машине, когда поступил вызов. — Джеймс выглядел элегантно в длинном черном пальто и строгом костюме. Хорош, ничего не скажешь.

— Да. Конечно. Твой новый дом. Обживаешься?

— Ты бы знала, если бы пришла на мою вечеринку по случаю новоселья на прошлой неделе.

Эрика была не в том настроении, чтобы выслушивать насмешки. Она выбралась из машины, взяла с заднего сиденья длинную зимнюю куртку и проверила, на месте ли блокнот.

— Я была в суде.

— И была слишком занята, чтобы дать мне знать?

Она остановилась и посмотрела на него. Питерсон был одного роста с Эрикой — шесть футов и один

Преследуя тени

дьюм*, — стройный, красивый темнокожий мужчина чуть за сорок. Какое-то время, когда она только переехала в Лондон, они были вместе, пока Эрика все не испортила. Теперь у Питерсона были жена и двое маленьких детей, но между ним и Эрикой все еще проскакивала искра, хотя ни один из них никогда бы не решился вернуться к прошлым отношениям.

— Извини, — сказала она с большей искренностью. — Теперь у тебя в доме тепло?

— Да, тепло. Обогрев стоит целое состояние.

— Я куплю тебе теплые кальсоны в качестве подарка, который согреет и дом, и задницу.

Им пришлось отодвинуть несколько передвижных мусорных баков, загораживающих ворота, за которыми дорожка, выложенная потрескавшейся мозаичной плиткой, вела к двум выцветшим черным входным дверям квартир 14А и 14Б.

Эрика собралась позвонить в дверь, но не успела. Дверь распахнулась, и женщина средних лет с бледным, изможденным лицом и тонкими, подведенными карандашом бровями уставилась на них из-под разноцветного характерного тюрбана. Она проглотила то, что жевала.

— Вы из полиции? — спросила она, настороженно глядя мимо них на пустую улицу.

Эрика и Питерсон показали свои удостоверения.

— Вы — Шерри Блейз? — спросила Эрика.

— Да. — Женщина оглядела их с ног до головы, и ее оценивающий взор задержался на Питерсоне.

— Это ваше настоящее имя?

Она снова перевела взгляд на Эрику и прищурила огромные глаза-блюдца.

— Да.

* 185,42 см.

— Мы прибыли по вашему вызову на номер девятьсот девяносто девять, — сказал Питерсон. — У вас такой вид, будто вы в шоке.

— Есть немного. Вам лучше зайти.

В доме пахло сыростью и плесенью, и Эрика разглядела маленькую кухню в конце мрачного коридора. На стене висела пара старых киноплакатов в рамках под стеклом, покрытым тонким слоем пыли от штукатурки. Шерри показала им на первую дверь справа, ведущую в гостиную. Огромный железный радиатор валялся на ковре, усыпанный градом штукатурки и деревянных щепок, а в потолке перед дверным проемом зияла большая дыра в том месте, где в квартире этажом выше обвалились половицы.

— Что произошло? — спросила Эрика.

— Вы сами видите, что произошло. Этот чертов радиатор пробил мой потолок!

На Шерри были розовые кроксы и длинный махровый халат. Тонкий поясок туго обтягивал ее живот, и Эрика заметила на воротнике халата что-то похожее на оранжевые разводы тонального крема и пятна туши для ресниц.

— Все в порядке. Мы здесь, чтобы помочь. Когда это случилось? — спросил Питерсон.

Шерри посмотрела на него с благодарной улыбкой.

— Я лежала в постели в дальней спальне, моей спальне, и услышала тот ужасный глухой удар сверху, стоны, треск, а затем оглушительный грохот. Жильцы наверху, бывает, шумят, но тут было что-то другое. Потом я почувствовала во рту привкус гипсовой пыли и, выйдя из комнаты, увидела облака этой дряни. И это... это было двадцать минут назад. Вот только что.

— Когда вы позвонили в службу спасения, то упомянули о мертвом теле.

— Да. Смотрите.

Шерри осторожно, на цыпочках, прошла в дверной проем и двинулась вдоль стены в дальний конец гостиной, где стоял буфет и висело большое зеркало. Эрика и Питерсон последовали за ней.

— Видите?

Она указала на дыру в потолке. Комната в квартире наверху выглядела голой, с серыми стенами. К эркерному окну была придвинута односпальная кровать, и на ней лежало тело женщины с короткими каштановыми волосами. По ее бледному, осунувшемуся лицу и восковой коже Эрика поняла, что она, возможно, мертва уже некоторое время.

— Поначалу я подумала, что она спит. Но кто бы мог проспать такое? Я закричала на нее, но мне никто не ответил. Она умерла?

Шерри разрыдалась и, потянувшись, схватила Питерсона за предплечье, сминая ткань рукава его пальто. У Шерри были длинные накладные акриловые ногти розового цвета, хотя на указательном пальце правой руки отсутствовал один. Казалось, она ожидала объятий. Эрика заметила, как Питерсон слегка отшатнулся.

— У вас есть ключ от квартиры вашей соседки этажом выше? — спросила Эрика.

— Что? Нет. Нет. Нет у меня никакого ключа.

— Все в порядке.

Питерсон нежно накрыл ее руку ладонью и убрал со своего предплечья. Он достал из кармана пачку бумажных носовых платочков, вытащил один и протянул ей.

— Вы знаете, как зовут вашу соседку?

— Мари или Мэри, что-то в этом роде, — сказала Шерри, экстравагантно высморкавшись в платок.

Питерсон вытащил из пачки еще один, и Эрике пришлось подавить улыбку, когда он безуспешно по-